

«Значит, Гу Янхуа принял Му Синхуа за очередного шарлатана?»

Шэнь Синцину стало не по себе. Он поспешил объясниться:

— Доктор Му совсем не такой, как те проходимцы. У него настоящий дар и глубокие знания. Ты ведь сам видел на днях моего Вэньчэна? Он уже вышел на работу в табачное бюро. Это ли не лучшее доказательство? После аварии он лежал парализованным, в первой и второй горбольницах за месяц ничего не смогли сделать, а доктор Му поставил его на ноги всего за неделю — три порции отвара и семь сеансов иглоукалывания. Мы ведь знакомы больше тридцати лет, неужели я стану тебя обманывать?

— Кхм-кхм...

Услышав этот звук, Шэнь Синцин и чета Гу первым делом обернулись к юноше, стоявшему рядом. Собственно, ради него они сегодня и проделали этот путь. Гу Хунлян был их главной заботой, однако, к общему удивлению, кашлял не он.

Звук донесся откуда-то сзади. Обернувшись, они столкнулись взглядом с мужчиной средних лет, на лице которого застыло крайне неловкое выражение.

Поначалу они не придали этому значения, решив, что просто загородили проход и незнакомец вежливо просит их посторониться. Мужчины тут же сделали шаг в сторону:

— Простите, пожалуйста.

— Я... я не об этом, — замялся мужчина. — Я хотел сказать... — он указал пальцем вперед. — Кажется, вы говорите слишком громко.

Гу Янхуа и Шэнь Синцин проследили за его жестом. Прямо на них были устремлены полтора десятка пар глаз. Ими владели и Старый деревенский староста Лицзя, и другие крестьяне, ожидавшие своей очереди во дворе, и сам Му Синхуа, который в этот момент принимал пациента в кабинете.

Глава семейства Гу замер. Его товарищ тоже.

Лица обоих мгновенно окаменели. Воздух вокруг, казалось, загустел от неловкости. Это был момент абсолютной «социальной смерти»: обсуждать человека за его спиной и обнаружить, что объект критики слышал каждое слово.

«Что теперь делать?»

Гу Хунлянь, содрогаясь от приступа кашля, взглянул на отца.

Семья Гу уже была готова развернуться и броситься наутек, но в следующую секунду Шэнь Синцин, внезапно расвирепев, преградил им путь.

Убежать? Как бы не так!

Доктор не знал семью Гу, так что их исчезновение осталось бы незамеченным. Но Шэнь Синцина-то Му Синхуай знал прекрасно! Семья Гу могла больше никогда здесь не появиться, но самому Шэнь Синцину, если он вдруг занеможет, идти было больше некуда.

Поэтому сегодня чета Гу должна была попасть на прием, хочет она того или нет.

Под суровым давлением Шэнь Синцина гостям пришлось, нацепив на лица маски деланного спокойствия, войти в клинику под недобрыми взглядами местных жителей.

В этот самый момент приступ кашля у Хунляна усилился:

— Кха-кха! Кха-кха!

Он согнулся пополам, хватаясь за грудь. По лицу потекли слезы, капая на пыльную землю. Му Цзяньго, дремавший на ветке каштана, вздрогнул и проснулся. Он свесил голову вниз.

«Мяо? Неужели война началась?»

Супруги Гу бросились к сыну, отчаянно хлопая его по спине. Однако это не помогало — парню становилось только хуже. Из носа и рта потекли выделения, он буквально задыхался. Староста и остальные крестьяне в тревоге повскакали со своих мест.

Му Синхуай, только что закончивший сеанс с очередным пациентом, быстро вышел во двор:

— Расступитесь! Я сам.

Прежде чем Гу Янхуа успел возразить, Шэнь Синцин бесцеремонно оттолкнул его в сторону.

В руках молодого доктора уже были спиртовой тампон и набор игл. Одной рукой он рванул ворот рубашки Хунляна, обнажая спину в районе третьего грудного позвонка. Быстрый мазок спиртом по точке Фэйшу — и игла вошла глубоко в ткани.

Следом пошли точки Таньчжун и Янлинцюань... В завершение Му Синхуай произвел точечное кровопускание из точки Шаошан.

Движения врача были молниеносными. Едва он успел стереть крохотную каплю крови с большого пальца Хунляна, как надсадный кашель начал стихать. Спустя еще несколько секунд во дворе воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым, прерывистым дыханием юноши.

Супруги Гу снова бросились к сыну. Один вытирал ему слезы, другой продолжал похлопывать по спине, привычно бормоча оправдания:

— Не беспокойтесь, это не туберкулез, он не заразный...

Наконец Гу Хунлянь пришел в себя. И именно теперь его родителям стало по-настоящему стыдно. Ведь обычно такие приступы прекращались только тогда, когда у парня заканчивались силы. Мастерство, проявленное Му Синхуаем, неопровержимо доказывало: перед ними не шарлатан, а человек, способный сотворить чудо.

Заметив их замешательство, доктор просто отвернулся:

— Одиннадцатый, заходите!

По иронии судьбы одиннадцатым был Старый староста Лицзя. Он взглянул на покрасневшего Хунляна, затем — на остальных крестьян:

— Может, пропустим их вперед?

Видя, как парень только что едва не выкашлял легкие, деревенские мигом забыли о недовольстве.

— Конечно, пусть идут, — закивали они. — Нас-то быстро посмотрят, минута — и готово.

Неловкость в душе Гу Янхуа сменилась искренней благодарностью. Он торопливо достал пачку сигарет и начал предлагать её старосте и остальным:

— Спасибо вам... Огромное спасибо...

Хунлянь снова зашелся в кашле, но на этот раз быстро затих. Впрочем, крестьяне уже всерьез за него опасались.

— Да брось ты эти благодарности! Живо веди его к доктору! — прикрикнули они.

Так Гу Хунлянь оказался на стуле перед Му Синхуаем. Гу Янхуа немедленно выложил на стол кипу результатов обследований из других клиник.

— Болезнь началась полгода назад, внезапно, без всяких причин, — начал он. — Мы объездили пять больниц, сменили больше десятка врачей. Потратили больше десяти тысяч юаней только на анализы, но никто даже причину установить не смог, не говоря уж о лечении.

Синхуай одной рукой держал запястье юноши, прощупывая пульс, а другой листал бумаги. Как и говорил отец, согласно анализам, пациент был практически здоров.

Врач поднял глаза:

— Покажи язык.

Хунлянь послушно высунул язык.

— Когда кашляешь, мокрота какая? Желтая или белая?

— Больше желтой, — сипло ответил парень.

— Горечь или сухость во рту чувствуешь?

— Да, постоянно.

Теперь картина в голове молодого человека сложилась окончательно.

— Полгода назад и до последнего времени... Ты ведь ел много острого и пряного?

Семья Гу замерла в изумлении.

— Да, — подтвердил отец. — Хунлянь учился у деда в провинции Бянь, но в прошлом году дедушка умер, и мы забрали сына к себе. У нас своя шашлычная, дела идут неплохо, но порой в суматохе мясо подгорает. Выбрасывать жалко, вот мы сами его и доедаем.

«Неужели всё дело в этом?»

— Именно в этом, — подтвердил Му Синхуай. — Пульс у пациента сянь-шу — струнный и частый. Если добавить к этому желтую вязкую мокроту, сухость во рту и покраснение глаз, становится ясно: корень болезни — в огне печени, атакующем легкие.

Он пояснил:

— Острая пища по своей природе горячая и сухая. Она легко вызывает скопление сырости и

жара в селезенке и желудке, что, в свою очередь, раздувает скрытый огонь в меридиане печени. Этот огонь устремляется вверх, нарушая очищающую функцию легких. Энергия ци перестает опускаться, что и вызывает постоянный кашель с мокротой.

Гу Янхуа в свое время окончил среднюю школу, так что в общих чертах понял объяснение. Теперь он безоговорочно верил диагнозу. Однако один вопрос его всё же мучил:

— Но мы ведь тоже едим эти пережаренные шашлыки годами, и с нами ничего подобного не случилось. Почему так?

— Потому что вы взрослые люди с окрепшим пищеварением. Ваш организм справляется с такой нагрузкой. А ваш сын вырос в провинции Бянь, где кухня легкая и пресная. К тому же его организм еще формируется. Когда он внезапно начал ежедневно поглощать столько тяжелой, острой пищи, его желудок и кишечник просто не выдержали.

— Вот оно что...

Супруги Гу были готовы разрыдаться. Оказалось, они сами, желая сэкономить, едва не сгубили ребенка.

— Ничего страшного, — успокоил их Му Синхуай.

Это была непреднамеренная ошибка. Посетители явно были хорошими родителями: потратить десять тысяч только на обследования — на такое пойдет далеко не каждый.

— Эту болезнь не так уж сложно вылечить. Недели хватит, чтобы всё прошло.

— Всего неделю? — Гу Янхуа едва не лишился чувств.

— Это что же, мясную колючку на ноге лечить дольше, чем этот кашель? — подал голос староста из-за двери.

Ведь после прижигания огненной иглой мясная колючка отваливается только через десять дней. Шэнь Синцин добавил:

— Доктор Му и моему Вэньчэну обещал, что тот поправится за неделю. И ведь как сказал, так и вышло!

Гу Янхуа, окончательно придя в себя, заговорил сбивчиво:

— Я... Доктор Му, я даже не знаю, как вас благодарить... Как только Хунлян поправится, мы

обязательно закажем самый красивый шелковый стяг с благодарностью и принесем его вам под бой барабанов!

Впрочем, обещания на будущее звучали как-то неубедительно. В голове главы семейства Гу лихорадочно заработала мысль, и вскоре он нашел решение:

— Доктор Му, вы ведь и мясные колючки лечите? У нас с женой на ногах как раз парочка выскочила... Мы сегодня тоже у вас пролечимся!

Работа у мангала требует стоять по шесть-семь часов кряду, так что без мозолей тут не обходится. Он решил, что это будет отличным способом поддержать бизнес доктора.

Му Синхуай, собиравшийся выписывать рецепт, замер.

«Значит, они решили... «отплатить злом за добро»?»

В итоге в тот день он принял тридцать пять пациентов с мясными колючками, израсходовав половину запаса одноразовых огненных игл. Проводив последнего крестьянина, Синхуай просто рухнул в кресло-качалку.

Не спрашивайте его ни о чем. Он уже некоторое время официально числился «безвременно ушедшим».

Впрочем, пришлось ненадолго воскреснуть. В ближайшие дни поток страждущих явно не иссякнет, а значит, нужно срочно пополнить запасы игл. К счастью, современная доставка работала отменно. Му Синхуай открыл приложение, нашел аптеку и заказал сразу две сотни штук. Если повезет, завтра к вечеру их доставят в уезд.

Отбросив телефон на стол, он приготовился окончательно «уйти в астрал», как вдруг в дверь снова постучали.

На пороге стояла женщина средних лет с ворохом пакетов в руках. За ней следовал юноша, тоже нагруженный подарками. Врач тут же поднялся. Он узнал парня — это был старший брат того самого «маленького друга» Му Цзяньго. В самом начале, когда кот и Сяоцюань только начинали ходить на рыбалку к «Авиабазе», этот юноша всегда присматривал за ними издалека.

Женщина вошла в комнату:

— Здравствуйте, доктор Му. Меня зовут Ци Цинмань, я мама Сяоцюаня.

Сяоцюань — так звали маленького приятеля кота.

— Очень приятно, — ответил Синхуай.

Ци Цинмань поставила пакеты на пол и внезапно опустилась перед доктором на колени. Со слезами на глазах она запричитала:

— Доктор Му, спасибо вам! И Му Цзяньго, спасибо вам огромное...

Синхуай, опешив, бросился её поднимать:

— Что вы, не стоит! Пожалуйста, встаньте, ну что же вы...

Благодаря своей недюжинной силе ему удалось усадить её на стул. Лишь спустя пару минут она немного успокоилась.

— Доктор Му, старший сын мне всё рассказал. Всё это время ваш кот повсюду сопровождал Сяоцюаня, играл с ним, а вы приглядывали за ними. Вы ведь наверняка заметили, что мой мальчик... не совсем такой, как другие дети.

Молодой человек протянул ей салфетку. Стоило ли говорить, что замечать тут было нечего? Не прошло и недели после его возвращения, как он уже раз пять слышал историю этой семьи от Тётушки Лю.

Ци Цинмань не была родной матерью Сяоцюаню. Мальчика родила её младшая сестра — наивная девушка, которая позволила обмануть себя женатому мерзавцу. Сестра родила ребенка, но вскоре у Сяоцюаня обнаружили аутизм, пусть и в легкой форме. Подлец, узнав об этом, тут же бросил их. В отчаянии мать покончила с собой.

Женщине ничего не оставалось, как забрать племянника к себе. В городе Цянь у неё был свой магазин одежды. Дела шли неплохо, и она отдала мальчика в хороший реабилитационный центр. Однако даже огромные траты на лечение не давали результата. Обычно при легкой форме аутизма есть шанс вернуть ребенка к нормальной жизни, но у Сяоцюаня прогресса не было.

В прошлом году бизнес пошел на спад, и Ци Цинмань пришлось отправить племянника и сына в деревню к родне. Теперь дела снова пошли в гору, и она приехала, чтобы забрать детей обратно. И тут ей сообщили, что за месяцы, проведенные в деревне, состояние мальчика заметно улучшилось.

— Доктор Му, правда, я не знаю, как отблагодарить вас и вашего кота! — воскликнула она.

— На самом деле нашей заслуги тут мало, — с улыбкой ответил он. — Это вы воспитали его таким — он умный и очень вежливый ребенок, поэтому Цзяньго и захотел с ним дружить. — Затем Синхуай посерьезнел. — Судя по вашим словам, вы хотите забрать его в город?

— Да, я так планировала, — подтвердила гостя.

Но ведь именно здесь, в деревне, мальчику стало лучше?

Му Синхуай понял её сомнения:

— Пусть Сяоюань побудет здесь еще какое-то время. Я сейчас как раз изучаю материалы по этой теме и думаю, что смогу чем-то ему помочь.

Ци Цинмань пришла в неописуемый восторг:

— Это было бы просто чудесно! — она спохватилась, достала из сумки пухлый красный конверт и попыталась всучить его Синхуаю. — Доктор Му, это вам. И эти подарки — примите их, пожалуйста, от чистого сердца.

— Нет-нет, денег не нужно, — запротестовал тот. — Мы же говорили, Сяоюань — друг нашего Цзяньго...

— Пожалуйста, вы должны принять...

В итоге им пришлось пойти на компромисс. Конверт она убрала, но подарки врач принял. Когда он позже перенес пакеты на стол, то обнаружил среди прочего три огромных мешка кошачьего корма — именно того бренда, который предпочитал Му Цзяньго. Этих запасов коту хватило бы месяца на три. Что ж, получается, питомец и впрямь начал обеспечивать себя сам.

Тем временем для Старого Чжая шел шестой день лечения. Еще на второй день его сын, Чжай Вэйцзэ, оформил на работе отпуск за свой счет. Он купил в мастерской подержанный трехколесный мотоцикл — не хотел больше обременять У Ханьлиня. С тех пор он сам возил отца на процедуры.

Возможно, та благородная ложь, которую они сочинили для старика, вновь разожгла в нем волю к жизни. А может, дело было в том, что сын теперь каждую минуту был рядом. Как бы то ни было, состояние больного заметно улучшилось. Он даже начал понемногу передвигаться сам, толкая впереди инвалидную коляску.

Вечером У Ханьлинь принес ведро рыбы. Чжай Вэйцзэ решил приготовить отцу его любимый суп из карасей с тофу. Накладывая еду, он позвал:

— Пап, идем ужинать!

Но ответа не последовало. Он поставил две миски на стол и крикнул громче:

— Папа, стол накрыт!

Тут он заметил, что забыл взять палочки, и вернулся на кухню. Когда же он снова вошел в столовую, старик так и не шелохнулся. В сердце Вэйцзэ кольнула тревога: не случилось ли чего?

Он выронил палочки на пол и бросился в комнату:

— Папа!

К счастью, отец просто сидел на кровати. Сердце сына, уже готовое выпрыгнуть из груди, вернулось на место. Но испуг еще не прошел.

— Пап, я тебя столько раз звал! Почему ты молчишь? Ты хоть представляешь, как я перепугался?

И тут старик заговорил. Сын уловил в его голосе странную дрожь. Оказалось, отец зачем-то снял свою футболку.

— Вэйцзэ... — прошептал он. — Посмотри на мой живот. Кажется... кажется, он стал меньше...

Чжай Вэйцзэ замер. Такого не могло быть. Наверняка отцу просто кажется. Главное, чтобы он не догадался об истинном положении дел.

Сын подошел ближе, стараясь говорить бодро:

— Правда? Это же замечательно! Я же говорил, доктор Му тебя вылечит...

Он уже собирался набросить на плечи отца одежду, чтобы поскорее закончить этот разговор, как вдруг его взгляд упал на живот старика.

Он застыл. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем юноша обрел дар речи:

— Папа... он и вправду стал меньше...

Когда Старый Чжай поднял на него глаза, лицо сына было мокрым от слез.

<http://bllate.org/book/15810/1435287>